

— Я не люблю голые цифры, Александр Сергеевич...

— Я тоже...

— И все-таки сколько фильмов «числится» за вами?

— Больше пятидесяти.

— С чего же и как давно все это началось?

— Пожалуй, что с Алма-Аты... Да, именно так. В середине 50-х годов после окончания Алма-Атинской консерватории я остался работать в этом городе. Остался не случайно. Моим учителем был Евгений Григорьевич Брусиловский, композитор, внесший большой вклад в становление профессионального музыкального искусства Казахстана, автор первых казахских опер, музыкальных драм, оркестровых произведений. Он, конечно же, не мог не увлечь меня своей любовью к этой республике... И вот я музыкальный оформитель на Алма-Атинской киностудии. Там я попросил и свои композиторские силы: написал музыку к нескольким короткометражкам. А вскоре мне доверили целую музыкальную кинокомедию. Называлась она «Наш милый доктор», а режиссером фильма был Шакен Айманов, человек тонкого музыкального вкуса.

— «Надо мной небо сплелось...» Если не ошибаюсь, там была такая песня, ставшая особенно популярной в исполнении Ермака Серкебаева?

— Да, и певец был одним из героев фильма.

— Ну, а потом, вероятно, была встреча с Гайдаем?

— Да, потом я приехал в Москву и встретился с Леонидом Гайдаем. Если нужны еще цифры, пожалуй: с Гайдаем я работаю 10 лет (видите, цифры в основном круглые) и за это время написал музыку к шести его фильмам.

— Позвольте, Александр Сергеевич, я попробую их вспомнить.

— Попробуйте...

— Ну, во-первых, «Операция «Ы», затем «Кавказская пленница», «Бриллиантовая рука», затем «Двенадцать стульев», «Иван Васильевич

КИНОМУЗЫКА АЛЕКСАНДРА ЗАЦЕПИНА

ЧЕТВЕРГ, 11 МАРТА,
1 ПРОГРАММА, 15.15;
1 «ЗС» — 12.15; 1 «ВС» — 12.15;
1 «ДВ» — 3.15

меняет профессию» и, наконец, фильм по рассказам Зощенко... Вот только название что-то не запомнилось.

— «Не может быть». Да, все правильно и вроде бы по порядку. Сейчас задумана еще одна работа — «Ревизор» (по Гоголю). Со сценарием (авторы его — В. Бахнов и Л. Гайдай) я познакомился, думаю над ним.

— У вас есть немало находок в киномузыке. Я не знаю, как их точнее определить: музыкально-технические или музыкально-эксцентрические?

— Да можно и так и эдак. Но суть в том, чтобы не просто выдумать что-нибудь непременно неожиданное, небывалое, а чтобы найти музыкальную аналогию гайдаевской эксцентрики, динамике его фильмов, его своеобразным юмористическим деталям. Помните сцену «погои Грицацовой» из «Двенадцати стульев»? Здесь с помощью техники мы «перевели» виолончель в ранг скрипки, которая запела с такой, извините, идиллической ущербностью, что ре-

жиссер, услышав этот «крик души», воскликнул с грустью: «Да, это и есть самая грицацувская душа!» Иногда нужного эффекта удается добиться с помощью экзотических инструментов: терменвокса, флексофона, окарины (это такая глиняная пазатеньская свистулька, звуки которой — этаное пронзительное «ну-ну» — открывали «стрелечный марш» в «Иване Васильевиче...»). Иной раз достаточно процитировать кусочек уже известной музыки... В тот же «стрелечный марш» времен Ивана Грозного я вложил фрагменты знаменитого футбольного марша; а в сцене со шведским послом сама собою напросилась «классика» — «собачий вальс», который мы так принарядили в скрипичный камзол (нужно было подчеркнуть пышно разодетую глупость всей этой сцены), что многие из моих знакомых, те, кто смотрел фильм, с трудом узнали «собачий вальс», сочинение, правда, более знаменитое в фортепианном исполнении. Короче говоря, эксцентрика есть эксцентрика.

— Но у вас есть киномузыка иного характера?

— Вы знаете, теперь за мной — и независимо от меня — закрепился некий комедийный ярлык: режиссеры обращаются ко мне в том случае, когда им приходит идея поработать в жанре комедии. Это не так уж и плохо, но мне так же по душе музыка серьезная и песня лирическая. Такую музыку я писал для фильмов Калатозова («Красная палатка»), Храбровицкого («Повесть о человеческом сердце») и других режиссеров.

— Что же сегодня можно пожелать столь любимому вами жанру?

— Все то же. Не быть в фильме только иллюстрацией, а быть полнокровной музыкой, но исходить все-таки из задач кинообраза: музыка — и образ, а не наоборот. И стараться оставлять в каждом фильме хотя бы по одной хорошей песне — с запоминающейся мелодией, с убедительными словами, ярко инструментованной и прекрасно исполненной.

Интервью взял В. ГУСАРОВ

и говорит и показывал Москва,
1976, Звезд, N11